

СИГНАЛ

Книга 4

ГОЛОС_0

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Голос_0

«Автор»

2026

Карадениз М.

Голос_0 / М. Карадениз — «Автор», 2026

Где-то в иранской пустыне у корней древнейшего дерева Азии закапывают смертельный порошок. Через девятнадцать дней кипарис Абаркух начнёт умирать. И он не один. В списке целей — ещё шестнадцать священных мест по всему континенту. Таймер запущен. Журналист, аналитик, хакер, вирусолог. Полковник разведки, человек-тень и русский олигарх-коллекционер. Семь человек, объединённых одним именем — команда «Сигнал». Они однажды уже смотрели в лицо смерти. Они знают цену правде. И знают, что мир не спасают одиночки. Его спасают те, кто не умеет молчать. Кто отдаёт приказы на этот раз? Два кодовых имени — «Голос_0» и «Голос_9». Их лица скрыты, их мотивы страшнее денег и власти. Они не требуют выкупа. Не угрожают терактами. Они атакуют память народов. Корни веры. Само время. Семнадцать точек. Девятнадцать дней. Команда, которая не привыкла отступать.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. «ДРЕВНИЕ КОРНИ»	9
ГЛАВА 1. «ВСТРЕЧА В СТАМБУЛЕ»	9
ГЛАВА 2. «ПОДЗЕМЕЛЬЯ ГАЛАТЫ»	12
ГЛАВА 3. «СИГНАЛ ИЗ 4500 ЛЕТ»	16
ГЛАВА 4. «ТЕНЬ ЧИСТИЛЬЩИКА»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Голос_0

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Абаркух, провинция Йезд, Иран. 23:47.

Ночь в пустыне Дашт-э-Кавир не бывает чёрной. Луна здесь — хозяйка, и она не терпит темноты. Её свет падал на глиняные стены древнего города, окрашивая их в молочно-белый цвет, создавая длинные, причудливые тени, которые двигались, когда ветер менял направление. Звёзды висели низко, тяжело, как капли расплавленного олова, готовые сорваться вниз. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался голосом самого неба.

И посреди этой тишины стоял он.

Кипарис Абаркух. Сарв-е-Абаркух. Дерево, которое видело империи. Его ствол, шириной в одиннадцать с половиной метров, уходил вверх на двадцать пять метров. Ветви, раскинувшиеся на четырнадцать метров вокруг, казались огромными ладонями, которые обнимали небо. Кора была тёмной, морщинистой, как лицо тысячетлетнего старика, но внутри — внутри дерево жило. Сок бежал по сосудам, листья шептали на ветру, корни уходили вглубь на десятки метров, туда, где хранилась вода, которую не видело солнце четыре с половиной тысячи лет.

Четыре с половиной тысячи лет. Или восемь тысяч — как решили японские и русские исследователи в семидесятых. Александр Руфь, русский учёный, оценил его возраст в 4445 лет, что сделало его самым старым деревом в Азии. Третье национальное достояние Ирана. Кандидат в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Символ времени, которое не остановить.

Дерево не говорило. Дерево ждало.

Человек, стоявший у его корней, не ждал.

Он появился из темноты беззвучно — как тень, как ветер, как мысль, которую никто не успел додумать. Высокий, поджарый, в чёрной тонкой куртке из ткани, которая не шуршала и не бликовала на лунном свете. Брюки заправлены в армейские ботинки на толстой подошве, оставляющие следы, которые ветер заметал за секунду. Голова бритая, без головного убора. Лицо — ни молодое, ни старое. Лет пятьдесят, может быть, шестьдесят. Глаза светлые, почти бесцветные, с таким холодным, пронзительным взглядом, что казалось — он видит не только настоящее, но и прошлое. И будущее.

В руке он держал планшет. На экране горела карта Азии. Семнадцать красных точек. Одна из них — здесь, в Абаркухе. Семнадцать. Ни много ни мало. Семнадцать древнейших деревьев и геологических формаций. Семнадцать символов жизни, веры, времени.

Семнадцать целей.

Человек коснулся экрана, отметил первую точку зелёным.

— Голос_0, — сказал он в телефон, прижатый к уху плечом. — Я на месте. Активация запущена.

Трубка молчала несколько секунд. Потом механический, искажённый голос, в котором не было ни эмоций, ни возраста, ни пола, ответил:

— Подтверди состояние объекта.

— Кипарис Абаркух. Цел. Не повреждён. Возраст — 4500 лет. Корневая система — на глубине до 30 метров. Охранный статус — национальное достояние Ирана. Доступ для туристов — ограничен. Ночная охрана — два человека, спят в сторожке у входа. Камеры — четыре. Отключены.

— Ты отключил?

— Я. За десять минут до подхода.

— Хорошо. Вноси образец.

Человек опустил на колено. Пальцы, длинные, с аккуратно остриженными ногтями, разрыхлили песок у основания ствола. Земля была тёплой — дневная жара ещё не ушла, спря-

талась в глубине, отдавая тепло корням. Он достал из кармана маленький герметичный контейнер. Прозрачный пластик. Внутри — белый порошок, мелкий, как мука, но с лёгким желтоватым оттенком. Споры.

Не 2117. Не 2118. Новый штамм. «Фитофаг» — назвали его в лаборатории Гераклита. Пожиратель корней.

Он открыл контейнер, высыпал содержимое в углубление, которое выковырял пальцем. Потом достал флягу, отвинтил крышку, капнул водой. Несколько капель — не больше. Споры не любили много влаги. Они прорастали медленно, незаметно, въедаясь в кору, в сосуды, в клетки. Через двадцать дней дерево начинало умирать. Сначала — желтели листья. Потом — трескалась кора. Потом — корни превращались в труху. И никто не мог доказать, что это не естественные причины. Никто не связывал смерть четырехтысячелетнего дерева с белым порошком, который кто-то закопал у корней в безлунную ночь.

Человек присыпал споры песком, разровнял ладонью, чтобы не оставалось следов.

— Образец внесён, — сказал он в телефон. — Активация через двадцать дней.

— Таймер запущен, — ответил Голос_0. — Семнадцать точек. Абаркух — первая. Остальные шестнадцать — в графике. Не опаздывай.

— Я никогда не опаздываю.

— Знаю. Поэтому ты живой.

Человек убрал телефон, встал. Отряхнул колени от песка. Посмотрел на кипарис. Долго. Молча.

В лунном свете дерево казалось не живым, а сотворённым из снов — полупрозрачным, фосфоресцирующим, с ветвями, которые тянулись к звёздам, как будто просили о помощи, которую никто не мог дать.

— Ты пережил Александра, — сказал человек дереву. — Ты пережил Чингисхана, Тамерлана, две мировые войны. Но ты не переживёшь нас.

Дерево не ответило.

Человек развернулся и пошёл к джипу, стоявшему у глиняной стены древнего города. Чёрный «Тойота Лэнд Крузер», без номеров, с тонированными стёклами. Он сел за руль, завёл двигатель. Фары выхватили из темноты песок, камни, редкие кусты верблюжьей колючки.

Джип уехал.

Кипарис остался.

Ветер стих. Тишина стала тяжёлой, почти осязаемой — как одеяло, которое накинули на мир, чтобы он не проснулся. Луна спряталась за облаком, и древний город погрузился в густую, липкую темноту, в которой не было ничего, кроме песка, камней и дерева, которое медленно, незаметно начинало умирать.

Никто не видел человека в чёрном.

Никто не слышал его разговора.

Никто не знал о белом порошке у корней.

Никто не знал, что через двадцать дней кипарис Абаркух, самое старое дерево Азии, начнёт желтеть, сохнуть, рассыпаться в прах.

Никто не знал.

Кроме Голос_0.

Кроме Голос_9.

Кроме Чистильщика, который ждал в Дубае.

И кроме команды «Сигнал», которая через три дня должна была встретиться в Стамбуле, чтобы узнать имена тех, кто стоял на вершине Гераклита.

Они не знали, что тени уже начали охоту на них.

Они не знали, что время истекает.

Они не знали, что корни, которые держали мир, уже подрезаны.

Но они узнают.

Очень скоро.

ЧАСТЬ I. «ДРЕВНИЕ КОРНИ»

ГЛАВА 1. «ВСТРЕЧА В СТАМБУЛЕ»

Стамбул, район Галата, переулок Сердар-и-Экрем. 23:47.

Ночь в Галате пахла морем, жареными каштанами и чем-то ещё — старым, глубоким, вьёвшимся в камни мостовых за сотни лет. Узкие переулки, вымощенные брусчаткой, которая помнила османских янычар и генуэзских купцов, петляли между домами, чьи стены кренились друг к другу, будто хотели упасть, но не решались. Фонари горели тускло — жёлтые, маслянистые круги света, за которыми сгущалась такая темнота, что через десять шагов нельзя было разглядеть собственную руку.

Кира шла быстро, не оглядываясь. Сиссе — на два шага сзади, прикрывая спину. Оба в чёрном — куртки, джинсы, кроссовки. Никаких сумок, только маленькие рюкзаки с самым необходимым: ноутбук, флешки, наличные, пистолеты. Документы — поддельные, имена — чужие. Они прилетели в Стамбул четырьмя часами раньше разными рейсами — Кира из Буэнос-Айреса через Сан-Паулу, Сиссе из Цюриха через Вену. Встретились в зале прилёта, не обменявшись ни словом. Взяли такси до Галаты, вышли за два квартала до нужного адреса.

Глухарь назначил встречу в кафе, которого не было на картах. Координаты он передал через зашифрованный канал, который Zee создала за час до их вылета. Сообщение было коротким: «Стамбул, Галата, переулок Сердар-и-Экрем, дом 7. Полночь. Приходи один. Нет, не один — с Сиссе. Доверяю только вам».

Кира не спала почти двое суток. Сначала перелёт, потом бесконечное ожидание в транзитной зоне аэропорта, потом такси, потом этот переулок, который тянулся и тянулся, как коридор в прошлое. Глаза слипались, но адреналин гнал кровь быстрее, заставляя сердце биться ровно, спокойно, как у бегуна на длинной дистанции. Она проверила пистолет — «Глок», заряжен, предохранитель снят, — сунула обратно в кобуру под мышкой.

Дом 7 оказался неприметным — серые стены, облупившаяся краска на двери, табличка на турецком, которую нельзя было прочитать в темноте. Ни вывески, ни света в окнах. Только запах старого дерева, кофе и ещё чего-то горького, похожего на полынь.

Кира постучала: три удара, пауза, два. Код, который Глухарь использовал ещё в Сирии. Дверь открылась без скрипа.

Внутри было темно — только тусклый свет от одинокой лампы на стойке, под которой ютился старый кофеварка и несколько чашек. Вдоль стен — деревянные столы со следами ножей, на полу — керамическая плитка, выщербленная временем. Ни камер, ни телефонов, ни ноутбуков. Wi-Fi не работал — даже выключатель был сломан.

За одним из столов, в дальнем углу, сидел Глухарь.

Он постарел. Или не постарел, а просто выглядел так, будто спал в последний раз неделю назад. Под глазами залегли тени, лицо осунулось, щетина стала длиннее. Одет — та же чёрная куртка, которую Кира помнила по Женеве, но с новыми потёртостями на рукавах. На столе перед ним — чашка с чёрным кофе, пустая, и пепельница, полная окурков.

— Ты куришь? — спросила Кира, садясь напротив.

Сиссе остался стоять у входа, закрывая дверь спиной.

— Иногда, — ответил Глухарь. — Когда жду.

— Чего?

— Вас.

Он подвинул к ней пустую чашку, взял кофейник, налил. Кофе был чёрным, густым, пах кардамоном и чем-то ещё — может быть, памятью о тех временах, когда они только начинали, когда Гераклит казался заговором сумасшедших, а не глобальной сетью, управляющей смертью.

— Ты сказал, что знаешь, кто такие Голос_0 и Голос_9, — Кира не стала пить. — Мы здесь. Говори.

Глухарь откинулся на спинку стула. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом — тем самым, который она помнила по первому расследованию, когда он только появился в их жизни, загадочный, опасный, непредсказуемый.

— Они не люди, — сказал он.

— Что?

— Голос_0 и Голос_9 — не люди. Не в том смысле, что инопланетяне или роботы. Они — система. Принцип. Идея, которая стала больше тех, кто её создал.

Кира нахмурилась. Сиссе, стоявший у двери, подал голос:

— Ты можешь говорить яснее?

— Яснее? — Глухарь усмехнулся — горько, безрадостно. — Яснее не получится. Гераклит создавали тридцать лет назад. А идея, на которой он построен, старше в десять раз. Голос_0 и Голос_9 — это не люди, которых можно арестовать. Это концепции. Если вы убьёте одного — появится другой. Если вы уничтожите систему — она пересоберётся.

— Как вирус? — спросила Кира.

— Как идея. Вирус можно уничтожить вакциной. Идею — нельзя.

Он замолчал, закурил новую сигарету — «Парламент», без фильтра, дым — сизый, едкий. Кира ждала. Она знала, что Глухарь не скажет ни слова больше, пока не решит, что время пришло.

— Я не могу назвать вам имена, — сказал он наконец. — Потому что у них нет имён. Есть только функции. Голос_0 — координатор. Связывает всех. Голос_9 — финансист. Деньги, офшоры, банки. Вместе они управляют сетью, которую мы называем Гераклитом. Но они не единственные.

— Кто ещё? — спросил Сиссе.

— Чистильщик. Левин. Он — исполнитель. Он делает то, что они приказывают. Но он сам не Голос. Он — инструмент.

Кира сжала кулаки. Инструмент. Левин, который убил Петрова, который запустил «Купель», который отравил реку Нигер, — всего лишь инструмент.

— Зачем ты нас позвал? — спросила она. — Ты мог сказать это по телефону.

Глухарь посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то, чего Кира не видела раньше. Страх. Не за себя — за них.

— Потому что меня ищут, — сказал он. — Голос_0 знает, что я знаю. Он отправил за мной охотников. В Берлине, в Лондоне, здесь, в Стамбуле. Я не могу вернуться в Европу. Не могу оставаться на одном месте дольше двух дней. Вы — единственные, кому я доверяю.

— Что ты хочешь? — спросил Сиссе.

— Помогите мне сделать последнее дело. В Стамбуле. А после — я скажу всё, что знаю. Имена. Координаты. Схемы. Всё, что нужно, чтобы уничтожить Голосов окончательно.

Кира смотрела на него, не отрываясь. Чёрный кофе стыл в чашке. Пепел падал на стол, рассыпаясь серой пылью.

— Какое дело? — спросила она.

Глухарь достал из кармана флешку — маленькую, серебристую, без опознавательных знаков — и положил на стол между ними.

— Здесь координаты серверной Гераклита, — сказал он. — Не той, что мы взламывали в Люксембурге. Другая. Подземная. Под Галатской башней. Голос_0 хранит там резервные

копии всех операций. Если мы их уничтожим, он потеряет контроль над сетью. Хотя бы на время. А за это время мы сможем найти его самого.

— Почему ты не сделал это сам? — спросила Кира.

— Потому что вход защищён биометрией. Нужны отпечатки пальцев и рисунок радужки. Мои — уже в базе. Если я подойду, система заблокируется и отправит сигнал тревоги. Ваши — чистые. Вас система не знает.

— Ты хочешь, чтобы мы взломали серверную.

— Я хочу, чтобы мы сделали это вместе. Я — прикрываю. Ты — взламываешь. Сиссе — страхует.

Кира посмотрела на Сиссе. Тот кивнул — едва заметно, одними глазами.

— Когда? — спросила она.

— Завтра. В полночь. В подzemелье под Галатской башней. Там есть вход через старый колодец. Я покажу.

Глухарь встал, потушил сигарету в пепельнице. Киру он не поднял.

— Я должен идти, — сказал он. — Они уже близко. Встретимся завтра, в 23:00, у входа в башню. Не опаздывайте.

Он вышел через чёрный ход — дверь, которую Кира не заметила, так искусно она была вписана в стену. Шаги затихли через несколько секунд.

Сиссе подошёл к столу, сел напротив Киры.

— Ты ему веришь? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Кира. — Но у нас нет выбора.

Она взяла флешку, спрятала в нагрудный карман.

— Если это ловушка, мы не выйдем оттуда живыми.

— Знаю, — сказал Сиссе. — Но если это правда, мы наконец узнаем, кто такие Голос_0 и Голос_9.

— И что тогда?

— Тогда найдём их. И остановим.

Кира встала, потушила лампу на столике.

Кафе погрузилось в темноту.

Они вышли на улицу, и ночь Стамбула накрыла их, как одеяло — чёрное, влажное, с запахом Босфора и времени, которое не ждёт.

Завтра они пойдут в подzemелье.

Завтра они узнают правду.

Или умрут, пытаясь.

ГЛАВА 2. «ПОДЗЕМЕЛЬЯ ГАЛАТЫ»

Стамбул, Галатская башня, подземный ход. 23:00.

Галатская башня в полночь была чужой. Днём — туристическая Мекка, очередь из желающих подняться на смотровую площадку, крики торговцев сувенирами, запах свежесжатого гранатового сока и дёнера. Ночью — бетонный цилиндр, который вздымался к небу, как палец мертвеца, указывающий на звёзды. Фонари у подножия горели тускло, освещая лишь несколько метров мостовой. Дальше — тьма, густая, вязкая, пахнущая влажным камнем и канализацией.

Глухарь ждал их у входа в служебное помещение — маленькую железную дверь, которую, наверное, не открывали годами. Ржавчина покрывала петли, краска облупилась, на ручке висел замок, который, казалось, нельзя взломать без болгарки. Глухарь достал отмычку, вставил в скважину. Замок щёлкнул, поддаваясь.

— Откуда у тебя ключи? — спросил Сиссе, оглядываясь по сторонам. Улица была пуста — только ветер гнал пыль и редкие бумажки.

— Нет ключей. Только навыки, — ответил Глухарь, не оборачиваясь. — И информация. Зее нашла схемы подземелий в архивах муниципалитета. Когда строили башню, турки использовали старые византийские ходы. Часть из них засыпали, часть — забетонировали. Один оставили для технических нужд. О нём никто не помнит. Кроме меня.

— И Голоса_0? — спросила Кира.

— Он тоже знает. Поэтому серверная там. Место, о котором все забыли, — лучшее место, чтобы спрятать правду.

Дверь открылась с протяжным, болезненным скрипом. За ней — темнота, лестница, уходящая вниз, и запах — сырой, землистый, с примесью чего-то химического, острого, почти металлического.

Глухарь включил налобный фонарик. Узкий луч выхватил из темноты ступени — каменные, стёсанные тысячами ног, которые ступали по ним столетия назад. Кира достала свой фонарик — маленький, светодиодный, с тремя режимами яркости. Сиссе — пистолет.

— Идём, — сказал Глухарь.

Они начали спуск.

23:15.

Лестница вела вниз долго — ступенька за ступенькой, метр за метром. Стены сужались, потолок снижался, воздух становился тяжелее, влажнее. Кира считала шаги. Двадцать. Сорок. Шестьдесят. Восемьдесят. На сотом лестница кончилась, уперевшись в узкий, низкий коридор, вырубленный в скальной породе.

— Византийцы строили на совесть, — сказал Сиссе, касаясь рукой стены. Камень был холодным, шершавым, с прожилками соли, которая выступила на поверхности за сотни лет.

— Они строили для вечности, — ответил Глухарь. — Мы — для того, чтобы эту вечность прервать.

Коридор петлял. Несколько раз они сворачивали то вправо, то влево, теряя ориентацию в пространстве. Стены были одинаковыми — серый камень, влага, редкая плесень, которая светилась в ультрафиолете фонариков бледно-зелёным. Тишина стояла такая, что шаги казались выстрелами.

— Сколько ещё? — спросила Кира.

— Двести метров. Потом — железная дверь. За ней — серверная.

— Охрана?

— Нет. Голос_0 не охраняет то, о чём никто не знает.

— Откуда ты узнал?

— От человека, который строил эту серверную. Он мёртв. Я успел поговорить с ним за три дня до смерти.

Кира не стала спрашивать, как он умер. Она знала. Как Петров. Как Родригес. Как Хейз. Инъекция. Сердечный приступ. Никаких следов.

23:30.

Железная дверь появилась из темноты неожиданно — массивная, серая, с электронным замком и сканером сетчатки глаза. Глухарь остановился в двух метрах, не подходя ближе.

— Дальше — без меня, — сказал он. — Система считает мои биометрические данные. Если я подойду — заблокируется. Тогда сюда приедут люди Голоса_0. Быстро.

Кира подошла к двери. Сканер сетчатки — маленькая чёрная линза, вмонтированная в стену, требовала, чтобы кто-то посмотрел в неё. Рядом — панель для отпечатков пальцев.

— Что мы должны сделать? — спросила она.

— Система внутри изолирована. У неё нет выхода в интернет. Только локальная сеть. Zee подготовила бэкдор — он на флешке, которую я тебе дал. Вставь в любой сервер, запусти программу. Она взломает архив за несколько минут.

— А если система заметит?

— Заметит. Но Zee обманет её. Скажет, что это внутренний скрипт. Должно сработать.

— Должно? — переспросил Сиссе.

— Другого плана нет.

Кира достала флешку, взглянула на сканер.

— А как мы откроем дверь?

— Отпечатки. Zee подделала их. У тебя в рюкзаке — накладки. Надень на пальцы. Они считаются как чужие, но система примет их за одного из инженеров, который работал здесь в 2022 году.

— Почему она не заблокируется, если он давно уволен?

— Потому что его данные не удалили. Голос_0 экономит на безопасности.

Кира достала наклейки — тонкие, почти невидимые, из силикона. Надела на указательный, средний и безымянный пальцы правой руки. Подошла к сканеру отпечатков, приложила пальцы к холодной поверхности. Зелёный светодиод мигнул. Раз. Два. Три.

Система одобрила доступ.

Теперь — сетчатка.

Кира прижалась глазом к линзе. Красный луч скользнул по зрачку, считывая рисунок, которого у неё не было — подделка, которую Zee сгенерировала за ночь на основе данных какого-то бывшего сотрудника, которого она нашла в слитых базах.

Зелёный свет.

Дверь открылась с шипением — гидравлика, смазка, металлический скрежет.

Внутри было холодно. Кондиционеры работали на полную мощность, поддерживая температуру, при которой серверы не перегревались. Вдоль стен — стойки с оборудованием, чёрные, высотой в два человеческих роста. Мигающие светодиоды — зелёные, синие, красные — создавали мерцающий полумрак, в котором трудно было разглядеть детали.

Глухарь остался снаружи, прикрывая дверь.

— У тебя двадцать минут, — сказал он. — Потом я уйду. Если не успеете — сами выбирайтесь.

Кира кивнула. Сиссе вошёл следом, закрыв дверь изнутри.

23:35.

Кира нашла сервер, на котором хранились документы, — Zee прислала ему схему, нарисованную от руки Глухарём. Третий ряд, пятая стойка, второй блок. Надпись на корпусе: «Архив. Глобальные операции. 1995–2026».

Она вставила флешку, запустила программу.

Экран сервера засветился. Строки кода побежали вверх, как вода по камню. Zee — удалённо, через спутниковый канал, который она проложила через три страны, — взламывала защиту.

— Время? — спросил Сиссе.

— Пять минут.

— Ждём.

Они ждали. В тишине, нарушаемой только гулом вентиляторов и щелчками жёстких дисков, каждая секунда казалась часом.

Экран погас. Потом загорелся снова.

Программа завершила работу.

— Готово, — сказала Кира.

Она вытащила флешку, спрятала в карман. Открыла файлы на планшете, который достала из рюкзака.

Семнадцать точек.

Семь из них — древнейшие деревья Азии: кипарис Абаркух (Иран), кедр на острове Якусима (Япония), сосна в провинции Хуаншань (Китай), платан в долине Сокул (Турция), фикус в Бодх-Гае (Индия), тис в Аббарухе (Иран), олива на Крите (Греция — формально Азия, если считать по некоторым классификациям). Места, где время застыло.

Восемь — не деревья. Геологические формации. Пещера, гора, риф, каньон, вулкан, оазис, водопад, скала. Каждая — в Азии. Каждая — старше тысячи лет. Каждая — священное место для местных народов.

И две — зашифрованы. Кирой не видно, даже после взлома.

— Что там? — спросил Сиссе.

— Не знаю. Zee не смогла расшифровать. Нужно больше времени.

— У нас нет времени.

— Знаю.

Кира сделала скриншоты, сохранила координаты.

— Пора уходить.

Она выключила планшет, вытащила флешку.

Дверь открылась. Глухарь ждал снаружи.

— Всё? — спросил он.

— Всё.

— Тогда бежим. Система засекала вторжение через семь минут после начала. У нас есть ещё три, пока сюда не приехала охрана.

Они побежали обратно — по коридору, вверх по лестнице, мимо каменных стен, которые помнили империи, которых больше не было.

23:52.

Выбрались на поверхность за минуту до того, как к башне подъехали чёрные фургоны без номеров.

— В укрытие! — крикнул Глухарь.

Кира, Сиссе и Глухарь нырнули в переулок, прижались к стене, замерли.

Фургоны остановились у входа. Люди в чёрном — без опознавательных знаков — высыпали из них, скрылись в подземелье.

— Они опоздали, — сказал Глухарь.

— В следующий раз могут не опоздать, — ответил Сиссе.

— Следующего раза не будет.

Кира сжимала в руке планшет с семнадцатью точками.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь — узнаём, что такое эти цели. И останавливаем их.

Они исчезли в лабиринте стамбульских переулков, оставив башню и фургоны далеко позади.

ГЛАВА 3. «СИГНАЛ ИЗ 4500 ЛЕТ»

Торонто, подвал Хадижи. 8:30 утра по местному времени (совпадает с 15:30 в Стамбуле).

Подвал на Блур-стрит-уэст пах кофе, озоном и старой бумагой — тем особенным запахом архивов, где документы хранятся годами, набираясь пыли и времени. Вдоль стен — стеллажи с коробками, на которых маркером написано: «Гераклит», «Африканский корпус», «Голоса», «Финансы», «2117», «2118», «2120». Теперь — новая папка: «CL-3000. Фитофаг».

Хадижа сидела за своим рабочим столом, перед тремя мониторами, и сжимала в руке чашку с кофе, который давно остыл. Рядом — ноутбук Зее, подключённый к спутниковой связи. На экране — лицо хакера, бледное, с красными глазами, подведённое бессонной ночью. Зее была в Берлине, но через камеры казалось, что она сидит напротив, за столом, где когда-то стояли другие серверы, другие мониторы, другие угрозы.

— Зее, ты можешь говорить громче? — спросила Хадижа. — Связь прерывается.

— Не могу, — ответила Зее. — Я через три прокси. Если увеличу мощность, Гераклит засечёт.

— Чёрт.

— Привыкай. Теперь мы всегда в тени.

Хадижа отставила чашку, открыла файлы, которые Кира сбросила через зашифрованный канал. Семнадцать точек. Семь деревьев, восемь геологических формаций, две зашифрованы. Она увеличила первую — кипарис Абаркух. Координаты, фотографии, историческая справка. И внизу — химическая формула, которую Сэм уже начал анализировать.

— Что мы знаем о «Фитофаге»? — спросила Хадижа.

— Споры, — ответила Зее. — Генетически модифицированные. Не 2117, не 2118. Новый штамм. Сэм назвал его «CL-3000. Фитофаг». Уничтожитель корней.

— Как он работает?

— Прорастает в почве, выделяет ферменты, которые растворяют клетчатку. Корни превращаются в труху. Дерево перестаёт получать воду и питательные вещества. Умирает через две-три недели.

— Не быстро?

— Достаточно, чтобы никто не связал смерть с порошком у корней. Внешне — хлороз, усыхание, естественное старение. Для четырёхтысячелетнего дерева — почти ожидаемо.

Хадижа сжала кулаки.

— Зачем Гераклиту убивать деревья?

— Жди. Сейчас Сэм подключится.

Берлин, убежище Зее. 9:15.

Сэм вошёл в комнату, когда Зее уже настраивала канал для трёхсторонней связи. Он выглядел так, будто не спал двое суток — щетина, красные глаза, пятно от кофе на белой футболке. В руке — распечатка химического анализа, которую он сделал за час до звонка.

— Ты видел? — спросила Зее, не оборачиваясь.

— Видел. — Сэм сел на стул, положил распечатку на стол. — «Фитофаг» — не просто вирус. Это биологическое оружие двойного действия.

— Объясни.

— Споры сами по себе не опасны для людей. Они поражают только растения. Но ферменты, которые они выделяют, изменяют состав почвы. РН падает. Тяжёлые металлы становятся подвижными. Если в земле есть ртуть, свинец, кадмий — они попадают в грунтовые воды.

— А в грунтовых водах — люди.

— Да. Не сразу. Через год, два, три. Люди начнут болеть раком, бесплодием, поражением нервной системы. Никто не свяжет это с деревом, которое засохло три года назад.

Хадижа замолчала. Экран Skure мерцал, но Zee и Сэм не отключались.

— Зачем? — спросила она наконец. — Зачем Гераклиту убивать деревья и отравлять людей через годы?

— Деньги, — ответила Zee. — Всегда деньги.

Она открыла на экране финансовые документы — те, что успела скачать с серверной под Галатской башней. Платёжные поручения, счета, офшорные цепочки. Одна компания привлекла её внимание.

«Green Legacy Ltd». Зарегистрирована на Виргинских островах в 2015 году. Специализация — «защита древних лесов». Реально — скупка земель под деревьями, которым угрожает уничтожение. За пять лет компания приобрела участки в Иране, Японии, Китае, Турции, Индии, Индонезии. Там, где растут древнейшие деревья Азии. Там, где Гераклит планирует активировать «Фитофаг».

— Они скупают землю, — сказала Zee. — Потом убивают дерево. Цена земли падает в десять раз. Они выкупают её за копейки через подставные фирмы. Потом ждут — три года, пять лет — пока не забудут, что здесь росло дерево. Продают землю под застройку. Прибыль — миллиарды.

— Им нужна не земля, — сказал Сэм. — Им нужен контроль над рынком недвижимости в Азии.

— И над водой. И над экологией. И над людьми, которые отравятся тяжёлыми металлами.

Хадижа смотрела на экран, где горели документы «Green Legacy». Семь древнейших деревьев. Восемь геологических формаций. Две зашифрованные цели.

— Но зачем геологические формации? — спросила она. — Деревья понятно — земля, недвижимость. А пещеры, горы, рифы?

— Туризм, — ответил Сэм. — Если гора объявлена священной, туристы платят, чтобы подняться на неё. Если она становится опасной — оползни, радиация, что угодно, — туризм умирает. Земля дешевеет. Её можно купить.

— Или взять в аренду на сто лет за копейки, — добавила Zee. — А через сто лет, когда радиация рассеется или оползни прекратятся, открыть новый курорт. Деньги — из воздуха.

Хадижа поднялась из-за стола, прошла по подвалу. Коробки с документами, стеллажи, папки. Всё, что они собрали за четыре года расследования.

Остановилась у окна — маленького, зарешеченного, выходящего в сад. Белого фургона с дипломатическими номерами не было. Он исчез после того, как Хадижа переехала в Торонто. Но она знала — Гераклит не забыл. Они просто ждали удобного момента.

— Что мы можем сделать? — спросила она, не оборачиваясь.

— Остановить активацию, — сказал Сэм. — Найти контейнеры с «Фитофагом» и уничтожить их. Или синтезировать антидот — вещество, которое нейтрализует споры в почве.

— Ты можешь это сделать?

— Теоретически — да. Но нужно время. И образцы.

— Образцы у нас есть. Кира привезёт из Турции.

— Тогда начинаю.

Сэм отключился.

Zee осталась на связи.

— Хадижа, — сказала она. — Ещё кое-что.

— Что?

— Я проверила список целей. Семь деревьев, восемь формаций. Но две зашифрованные точки — не в Азии. Они в Европе.

— Где?

— Не знаю. Шифр сложнее, чем я думала. Нужно время.

— Сколько?

— Дня три. Может быть, неделя.

— У нас нет недели. Через двадцать дней «Фитофаг» активируется у кипариса Абаркух. Если мы не остановим его в Иране, остальные точки запустятся автоматически.

— Значит, мы должны успеть до активации.

— Или после. Но тогда будет поздно.

Zee замолчала. Хадижа слышала, как она печатает — быстро, почти не останавливаясь. Пальцы бегали по клавиатуре, вводя команды, которые взламывали серверы, перехватывали сообщения, искали слабые места.

— У нас есть один шанс, — сказала Zee наконец. — Кира и Сиссе должны найти лабораторию, где производят «Фитофаг». Уничтожить её. Без этого антидот не поможет — Гераклит создаст новые споры.

— Где лаборатория?

— Не знаю. Но Глухарь может знать. Он обещал рассказать всё после Стамбула.

— Тогда ждём.

Хадижа вернулась за стол, открыла ноутбук. На экране горела статья, которую она не закончила. «Голос_0 и Голос_9 — тени Гераклита». Она знала, что должна опубликовать её, но не могла. Слишком мало фактов. Слишком много риска. Если она ошибётся, невинные люди пострадают. Если не ошибётся — её убьют.

— Хадижа, — позвала Zee. — Ты здесь?

— Здесь. Думаю.

— О чём?

— О том, сколько ещё умрёт, прежде чем мы остановим их.

— Все умирают, — ответила Zee. — Но не все борются.

Она отключилась.

Подвал погрузился в тишину.

Буэнос-Айрес, гостиница «San Telmo». 20:30 по местному времени (совпадает с 2:30 ночи в Стамбуле).

Кира сидела на кровати, сжимая в руке планшет с данными Zee. Сиссе стоял у окна, смотрел на улицу, где редкие прохожие спешили по своим делам, не зная о «Фитофаге», о кипарисе Абаркух, о семнадцати точках.

— Четыре с половиной тысячи лет, — сказала Кира. — Дерево пережило империи, войны, землетрясения. И теперь какой-то человек в чёрном закапывает у его корней смерть.

— Люди всегда уничтожают то, что старше их, — ответил Сиссе. — Потому что боятся. Дерево напоминает им, что они — временны.

— Гераклит не боится. Гераклит использует страх как оружие.

— Одно и то же.

Кира отложила планшет, потёрла глаза.

— Завтра мы летим в Иран.

— Нелегально?

— По-другому не получится. Мы в розыске.

— У нас есть документы?

— Zee делает новые.

— А проводник?

— Глухарь обещал контакты. Люди, которые проведут нас через границу.

— Люди Глухаря?

— Других нет.

Сиссе отошёл от окна, сел на стул напротив.

— Ты веришь, что мы успеем?

— Не знаю. Но мы должны попытаться. Если кипарис Абаркух умрёт, это будет только начало. Гераклит уничтожит все семь деревьев. Потом — восемь формаций. Потом — Европу.

— Почему Европу?

— Две зашифрованные точки. Zee думает, что они там.

— Что это может быть?

— Не знаю. Но если Гераклит их скрывает, значит, они важнее, чем деревья.

Кира легла на кровать, закрыла глаза.

— Завтра, — сказала она. — Всё решится завтра.

Сиссе погасил свет.

Они заснули под звуки буэнос-айресской ночи — далёкое танго, шум машин, чей-то смех. Временная передышка перед бурей.

Иран, провинция Йезд, Абаркух. 3:47 ночи.

Человек в чёрном вернулся к кипарису.

Он стоял у корней, смотрел на дерево, которое через девятнадцать дней должно было начать умирать. Луна спряталась за облаками, звёзды погасли, и темнота стала почти осязаемой — густой, липкой, как дёготь.

— Ты не понимаешь, старик, — сказал он дереву. — Твоя смерть не конец. Твоя смерть — начало. Без корней не будет жизни. Без жизни не будет времени. А без времени — не будет тех, кто помнит.

Он достал телефон, набрал сообщение.

«Активация подтверждена. Таймер — 19 дней. Голос_0, жду инструкций».

Ответ пришёл через минуту: «Жди. Не привлекай внимания. Следующая точка — Япония. Кедр на острове Якусима».

Человек убрал телефон, развернулся и ушёл в темноту.

Кипарис остался.

Тишина стала тяжелее.

И где-то над Босфором, над Берлином, над Торонто, над Буэнос-Айресом, над Гаагой, над Цюрихом разлетались сигналы, которые не мог перехватить никто, кроме команды «Сигнал».

Они знали о семнадцати точках.

Они знали о «Фитофаге».

Они знали о кипарисе Абаркух.

Но они не знали о двух зашифрованных целях в Европе.

Они не знали, кто такие Голос_0 и Голос_9.

Они не знали, что тени уже начали охоту.
Это знание придёт позже.

Когда время почти истечёт.

Когда корни будут подрезаны.

Когда мир начнёт рушиться.

Но пока — пока только тишина. И дерево, которое не знает, что обречено.

ГЛАВА 4. «ТЕНЬ ЧИСТИЛЬЩИКА»

Стамбул, район Султанахмет, подвальная гостиница «Nova Palace». 4:30 утра.

Гостиница называлась дворцом, но была обычной ночлежкой для тех, кто не хотел оставлять следов в регистрационных формах. Номера без окон, с кроватями, которые помнили османских контрабандистов, и дверями, запиравшимися на щеколды изнутри. Запах сырости, старой краски и дешёвого табака вьелся в стены так глубоко, что казалось — он здесь навсегда. Кондиционер не работал, но в подвале было прохладно естественно — земля держала температуру круглый год.

Кира сидела на краю кровати, сжимая в руке планшет с данными Zee. Сиссе стоял у двери, прислушиваясь к шагам в коридоре. Глухарь сидел в единственном кресле — продавленном, с вылезавшей из подлокотников обивкой — и курил. «Парламент», без фильтра. Дым поднимался к потолку, где медленно вращался вентилятор, разгоняя его по комнате.

— Ты сказал, что знаешь, где Левин будет через неделю, — Кира нарушила тишину. — Говори.

Глухарь затаился, выпустил дым через ноздри. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом — тем самым, который она помнила по Женеве, когда они только начинали, когда Глухарь был тенью, а не соратником.

— Я следил за ним в Дубае, — сказал он. — Три недели. Каждый день. Каждую ночь. Знал, где он ест, где спит, с кем встречается.

— Почему ты не взял его тогда? — спросил Сиссе.

— Потому что он был не один. Охрана — восемь человек, бывшие спецназовцы из Израиля и России. Вооружены до зубов. У меня не было шанса.

— А сейчас есть?

— Сейчас он будет один. Через неделю. В Цюрихе.

Кира нахмурилась.

— Цюрих? Он же скрывается в Дубае. Зачем ему возвращаться в Европу?

— Дело, — Глухарь потушил сигарету в жестяной банке из-под консервов, которая служила ему пепельницей. — Закрывать счета в банке. Забрать документы. Встретиться с человеком, которому доверяет.

— С Голосом_0?

— Не знаю. Я не видел лица. Только спину. Но разговор слышал.

Глухарь замолчал. Кира ждала. Она знала, что он скажет, только когда будет готов.

— Это было в Дубае, в отеле «Birj Al Agab», — начал он. — Левин снял номер на сто двадцатом этаже. Я не мог подняться — охрана. Но я был в соседнем номере. Стены тонкие, кондиционер гудит, но голоса можно разобрать.

— Что ты слышал? — спросил Сиссе.

— Левин говорил с кем-то. Голос — мужской, низкий, с лёгкой хрипотцой. Не российский акцент. Скорее — восточноевропейский или балканский. Левин называл его «Голос_0». Тот — смеялся.

— Смеялся?

— Да. Сказал: «Ты думаешь, они остановятся на Африке? Нет. Они пойдут дальше. Азия. Европа. Весь мир. И мы будем наблюдать».

Кира сжала кулаки.

— Что ещё?

— Левин спросил, когда активируют «Четвёртую фазу». Голос_0 ответил: «Через двадцать дней. После того, как засохнет кипарис».

— Кипарис Абаркух?

— Другой. Который в Иране. Голос_0 сказал, что это — сигнал.

— Сигнал к чему?

— К войне. Экологической. Экономической. Культурной. Когда самое старое дерево Азии умрёт, никто не поверит, что это естественные причины. Иран обвинит Израиль. Израиль — Иран. Начнутся санкции, блокады, военные учения. А Гераклит будет скупать землю, воду, ресурсы. За копейки.

Сиссе выругался по-французски — тихо, сквозь зубы. Кира не поняла слов, но смысл был ясен.

— Ты сказал, что знаешь, где Левин будет через неделю, — напомнила она. — В Цюрихе.

— Да. В банке «Credit Suisse». Тот же офис, где была ячейка Лэнгдона. Левин забирает документы, которых нет нигде. Самая защищённая информация Гераклита. Имена всех агентов, магистров, проводников. Лаборатории. Счета.

— Если мы перехватим его там, у нас будет ключ к уничтожению Гераклита.

— Да.

— Но он же знает, что мы ищем его. Почему он не отменит встречу?

— Потому что документы нужны ему, чтобы выжить. Если Гераклит решит избавиться от него, у Левина должны быть козыри. А козыри — в Цюрихе.

Кира встала, прошлась по комнате. Три шага в одну сторону, три — в другую. Сиссе следил за ней взглядом.

— Мы не можем быть в двух местах одновременно, — сказал он. — Кира нужна в Иране. Я — с ней. Глухарь — в розыске. Кто поедет в Цюрих?

— Я, — ответил Глухарь.

— Ты же сказал, что Голос_0 ищет тебя.

— Ищет. Но не найдёт. В Цюрихе у меня есть старые связи. Люди, которые помогут изменить внешность. Документы. Транспорт.

— А если тебя узнают?

— Тогда я умру. Но документы Левина будут у вас.

Кира остановилась, посмотрела на Глухаря.

— Ты готов рискнуть жизнью ради этого?

— Я уже рисковал, — ответил он. — Каждый день. С того момента, как согласился помогать «Сигналу».

— Почему? — спросил Сиссе. — Почему ты с нами?

Глухарь закурил новую сигарету. Дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом старой краски и сырости.

— Потому что я видел, что они делают, — сказал он. — В Сирии. В Ливии. В ЦАР. Я был там, когда контейнеры с волной привозили в порты, когда комаров выпускали над лагерями беженцев. Я знаю, что такое Гераклит. И я не хочу, чтобы моя дочь жила в мире, где такие люди решают, кому жить, а кому умирать.

Кира молчала. Она не знала, что у Глухаря есть дочь. Никто не знал.

— Где она? — спросила она.

— В безопасности. Там, где никто не найдёт.

— Она знает, чем ты занимаешься?

— Нет. И не узнает. Если я умру, она подумает, что я пропал. Как тысячи других.

Глухарь встал, потушил сигарету.

— Я должен идти. Рейс в Цюрих через четыре часа. Успею сменить внешность.

— Как ты свяжешься с нами? — спросил Сиссе.

— Через Zee. Если я не выйду на связь в течение суток после встречи с Левиным — значит, меня взяли. Или убили.

— А если Левин не придёт?

— Придёт. Ему нужны эти документы. Без них он — ничто. Пустое место.

Глухарь подошёл к двери, взялся за ручку.

— Кира, — сказал он, не оборачиваясь. — Береги себя в Иране. Это не Европа и не Африка. Там другие правила.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Там шпионы на каждом углу. Соседи доносят на соседей. Иностранцев ненавидят. А нас — журналистов с поддельными документами — расстреливают без суда.

— Мы будем осторожны.

— Будьте.

Он вышел в коридор. Шаги затихли через несколько секунд.

Сиссе повернулся к Кире.

— Ты ему веришь? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Но у нас нет выбора.

— Если Левин узнает о ловушке, Глухарь мёртв.

— Знаю.

— И нас он не назовёт.

— Не назовёт.

Она сжала планшет, на котором горели семнадцать красных точек.

— У нас есть неделя. Пока Глухарь готовит ловушку в Цюрихе, мы должны остановить «Фитофаг» в Иране. Иначе кипарис Абаркух умрёт. А вслед за ним — остальные шестнадцать целей.

— Ты думаешь, Гераклит действительно начнёт войну?

— Я думаю, они уже начали. Мы просто не знали.

Кира выключила планшет.

— Завтра мы летим в Тегеран. Через Стамбул, через Эрбиль. Нелегально.

— Кто нас встретит?

— Человек Глухаря. Он проведёт нас в Йезд, к кипарису.

— А если это ловушка?

— Тогда мы не вернёмся.

Сиссе усмехнулся — горько, безрадостно.

— Ты всегда так оптимистична?

— Нет. Я просто не умею сдаваться.

Она легла на кровать, закрыла глаза.

Сиссе остался сидеть в кресле, сжимая в руке пистолет.

Через четыре часа у них был рейс.

Через неделю Глухарь должен был встретиться с Левиным в Цюрихе.

Через девятнадцать дней кипарис Абаркух должен был начать умирать.

Время бежало.

Дубай, вилла Левина, район Emirates Hills. 8:47 утра.

Левин стоял у окна, смотрел на небоскрёбы, которые плавилась в утренней дымке. В руке — телефон. На экране — сообщение от Голос_0.

«Цюрих. Через неделю. Не опаздывай. Документы — самый важный груз. Если их перехватят, мы все умрём».

Левин написал ответ: «Я готов. Охрана будет. Они не пройдут».

Ответ пришёл через минуту: «Ты не знаешь, кто идёт по твоему следу. Будь осторожен. Голос_0».

Левин убрал телефон, посмотрел на своё отражение в стекле. Седым волосам, холодным глазам, квадратной челюсти, которую он не сжимал, а держал расслабленной — как человек, привыкший к контролю.

— Идите, — сказал он пустоте. — Я готов.

Вилла погрузилась в тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.